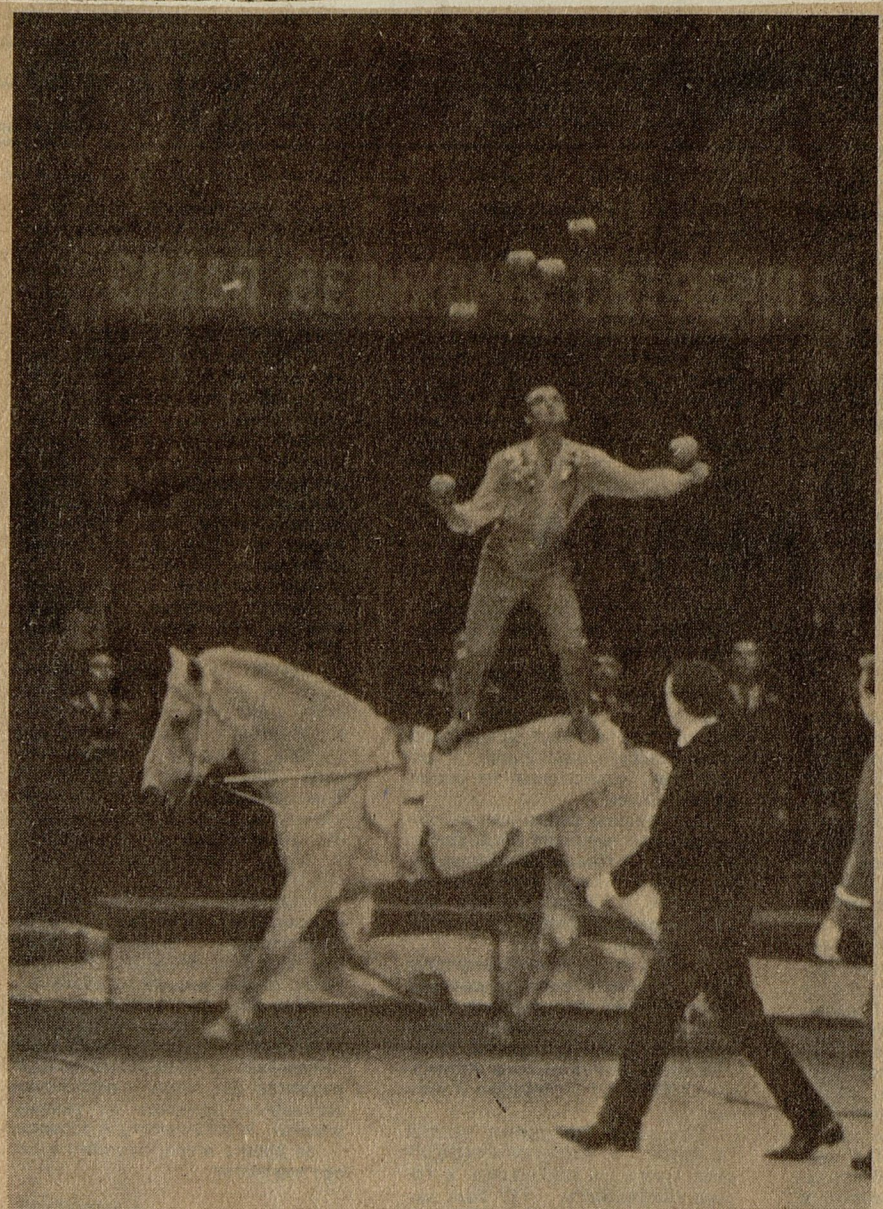
Кошкин Викт. Вик. 16/X-87

СОВЕТСКИЙ ЦИРК № 42 (160) ПЯТНИЦА, 16 октября 1987 года



ЦИРК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Сов. цирк 1987, 16 окт.

Виктору Викторовичу Кошкину выпал жребий родиться в цирковой семье, и тем самым судьба с самого начала определила весь его дальнейший жизненный путь. Мать его была воздушной гимнасткой и, будучи дочерью некогда известной гротеск-наездницы Т. С. Есауловой, хотела видеть своего сына конным жонглером. Кстати, и отец его, принадлежавший к знаменитой династии Феррони, был конным жонглером. Но до работы на лошадях было еще далеко.

Про таких говорят: "родился в опилках". С самого раннего детства цирк, то есть все, что его составляет — арена, репетиции, овации публики, пестрота огней и прочее, — стал главной частью его мира.

— В пяти-шестилетнем возрасте, — рассказывает Виктор Викторович, — я уже принимал участие в пантомимах. В то время это был очень модный развлекательный жанр. Мы работали в цирке Труцци. Пантомимы ставились разной тематики, в том числе и на актуальные темы, например, пантомима под названием "Путевка в жизнь". Были и пантомимы-сказки: "Ночь перед рождеством", "Тысяча и одна ночь". Разумеется, нам, детям цирковых артистов, все это было ужасно интересно. Для нас это составляло игру, всегда естественную и необходимую в детстве. Но именно через игру мы постепенно приучались к труду циркового артиста, мы привыкали и познавали шаг за шагом нелегкую и полную неожиданностей работу на арене, проходя по жизни от первых детских представлений до юношеского понимания. И кроме того, мы сразу понимали цирк с изнанки, для нас было естественным, что легкость и красота под тысячами глаз — это прежде всего методичный, порой каторжный труд, а не только безграничная любовь к своему искусству.

И действительно, все главное в человеке закладывается в этом возрасте, в раннюю пору "первых впечатлений бытия". Может быть, отсюда проистекает сначала романтическая, а потом глубокоосознанная преданность цирковому делу. Виктор Викторович Кошкин не принадлежит к той категории артистов, которые выбрали по своему желанию цирковую судьбу. Пусть так. Но сам цирк указал на него перстом, и теперь, по прошествии огромного жизненного пути, когда столько сделано и есть, что передать молодым, можно быть уверенным, что ошибки в этом выборе не было.

Впрочем, были и сомнения... Был в жизни Виктора Викторовича такой момент, когда, увлекшись другим делом, он встал перед выбором. Это произошло в пору повального увлечения в стране кинематографом. Он написал сценарий для творческого конкурса, сценарий фильма о цирке. Собрался в Москву, во ВГИК... Но уже в поезде случилось то, что, наверное, должно было случиться. Как ни велика была тяга к магическому кино, как ни велики были радужные молодые надежды, а что-то вдруг заныло в душе при мысли о расставании с цирком. И когда представилась в полной мере та потеря, на которую он шел, стало страшно... и стыдно. Цирк взял верх. Подающий надежды молодой сценарист, проехав всего две станции, сошел с поезда и вернулся назад, к родным пенатам. На этом и кончились, к счастью, непродолжительные мытарства "блудного сына".

— Кто знает, что ждало меня там, на новой стезе? — вспоминает Виктор Викторович. — Какие успехи? А может быть, полное поражение? Я не жалею. Я рад, что вовремя одумался. Видимо, призвание, взращенное с детства, оказалось сильнее юношеских увлечений.

Война застала его в Куйбышевском цирке еще тринадцатилетним подростком. И именно в этом возрасте началась его профессиональная деятельность. Детство кончилось — без естественного перехода, без отроческих иллюзий, и сразу же пришла взрослая жизнь, в полную меру спроса и ответственности. Начали организовываться бригады артистов для обслуживания воинских частей и гарнизонов. В одной из таких бригад стал работать партерным жонглером Виктор Викторович Кошкин. Шефские концерты давались не только в цирке, но и просто на улице, на вокзалах, в клубах, в госпиталях... Уже поступали раненые с передовой, и им нужна была моральная поддержка.

— Особенно трудно было с тяжелыми и контуженными, — вспоминает Виктор Викторович. — Иногда реакция на какой-нибудь номер или трюк была совершенно неадекватная. Ведь в некоторых палатах лежали такие, которые даже не могли двигаться, не то что аплодировать. Стараешься изо всех сил. Выступление заканчиваешь — и тишина. Только иногда по глазам видно, понравилось или нет. До сих пор помню эти измученные, уставшие лица солдат.

В 1945 году, когда отгремели последние залпы, когда разнеслась весть о долгожданной победе, пришла пора новой жизни. Для Виктора Викторовича Кошкина настало время подумать о новых перспективах своей работы. Он решил поменять жанр, вернее, усложнить прежний. Тогда-то он и пошел по стопам своего отца, начав работать конным жонглером. Несмотря на молодость — а ему не исполнилось тогда и восемнадцати лет, — у него уже был за плечами немалый опыт. Уже многое было наработано в трюках. Но одно дело жонглировать, стоя на твердой почве, на надежной тверди арены, и другое — проделывать хотя бы половину того же самого, балансируя на бешено скачущей лошади. Но фортуна любит смелых, и когда он решился перейти в конный жанр, ему чрезвычайно повезло. В Новосибирском цирке была оставлена старая цирковая лошадь (еще из семьи Корякиных), с которой Кошкин и начал репетировать. Дело в том, что если бы ему пришлось начинать с необученной лошадью, возникло бы невероятное количество сложностей: кто знает, насколько все это может затянуться — собственная учеба да еще обучение лошади. Но тут была удача. Ему достался опытный партнер.

И все же Виктору Викторовичу пришлось много работать, прежде чем удалось подготовить программу в новом жанре. Конечно, огромную роль сыграла взаимовыручка коллег по работе, поддержка старших, более опытных товарищей. Очень многому научил и многое подсказал в свое время известный цирковой наездник Иван Лерри, который, кстати сказать, когда-то еще в молодости вместе с бабушкой Виктора Викторовича Кошкина был учеником у Панкратова. Огромное влияние оказало творчество знаменитого советского конного жонглера народного артиста СССР Николая Ольховикова.

— А вы знаете, — спрашивает Виктор Викторович, — что самое тяжелое в нашей профессии?

И, не дожидаясь, отвечает:

— Самое тяжелое — это потерять лошадь. Это все равно что остаться без руки или ноги. Это всегда мучительная трагедия. Ведь у тебя не обычное трюковое животное или просто объект дрессуры — тут настоящий товарищ, равноправный партнер, умный и чуткий. Если ты вложил в него огромный труд, воспитал его и много лет уже работаешь с ним на арене, ты относишься к нему как к члену семьи, цирковой семьи. Одно время я долго работал с прекрасным, сильным конем по кличке Буян. Благодаря своим физическим качествам ему приходилось работать значительно больше остальных лошадей — он участвовал не только в моих номерах, но и в выходах других артистов. Работал, что называется, на пределе. Потом у него началась эмфизема легких. И вот однажды — а это было в Тбилиси — у него начался тяжелый приступ... Он погибал буквально у меня на глазах, но уже ничем нельзя было помочь. Даже и сейчас вспоминать тяжело.

Опыт и профессионализм пришли не сразу. Только неустанное преодоление своих ошибок, заблуждений и слабостей всегда оставалось единственной гарантией роста, гарантией подлинного творчества. Наверное, в каждом деле профессионализм — это вопрос не только таланта и стараний, но и времени. Рост профессионализма сродни росту кристалла, когда атом за атомом, слой за слоем постепенно формируется единственно верная и потому прочная структура вещества. Так и в искусстве: только постоянный добросовестный труд может обеспечивать высокий уровень мастерства и ежедневный, не случайный успех.

— Для жонглера очень важно, — говорит Виктор Викторович, — чтобы трюк был отработан до такой степени, когда возможна его свободная фиксация, то есть способность проделывать его достаточно долго. Иначе зритель не будет знать, является ли тот или иной элемент достоянием постоянного багажа артиста или он случаен и раз на раз не приходится. И еще очень важная вещь: выходя на арену, надо быть настолько уверенным в себе, чтобы эта уверенность вселялась в зрителя. И несмотря на то, что зритель, как правило, болеет за тебя, он как бы заодно с тобой, неподготовленность и грязь в исполненном номере всегда отражаются на его отношении к тебе, на аплодисментах. Поэтому не случайно, что из цирковых артистов дольше всех перед выходом разминается жонглер: с одной стороны, работу надо доводить до автоматизма, а с другой — надо быть готовым к любой неожиданности. И еще одна грань профессионализма — умение работать в смежном жанре. Ведь это всегда добавляет навыка к основной работе. Например, я некоторое время выступал с акробатическими номерами на лошадях — па-де-де и другие.

Для настоящего артиста важен и свой, оригинальный почерк. Кошкин долго работал над этим и добился немалых успехов. Например, среди прочих работ — известный его номер с дрессированными голубями на вращающихся шарах. Здесь он сумел в собственно героическое начало конного жанра привнести оттенок лиризма и нежности. Этот изящный по форме номер, как и многие другие, придуманные им, имел всегда огромный успех у зрительской аудитории не только в нашей стране, но и за рубежом.

Виктору Викторовичу довелось побывать во многих странах мира. В составе цирковой труппы были поездки в ГДР в 1961 году, потом в Польшу, незабываемое турне по городам Индии. Индийская публика со свойственной ей экспрессивностью и непосредственностью принимала всегда особенно тепло и восторженно. Тогда, в 1963 году гастроли советского цирка в Индии имели огромный политический резонанс, и даже Дж. Неру, несмотря на занятость, пришел со своей семьей на одно из представлений в Дели. Вообще, наш цирк объехал тогда много древних городов: Бомбей, Калькутту, Кампур, Хайдарабад.. Это была незабываемая поездка.

Совсем недавно (21 сентября) Виктору Викторовичу Кошкину исполнилось шестьдесят лет. Дата — знаменательная для всякого человека. Но для него она значительна еще и тем, что все эти шестьдесят лет без остатка отданы цирку. В 1973 году пришло время расставания с манежем, с аплодисментами, с праздничной атмосферой. Это всегда переживается болезненно, и не всегда просто найти артисту себя заново, найти полезное и нужное дело, чтобы не кануть в пучину раннего пенсионного безвременья. 9 декабря 1973 года он последний раз выступал на манеже Калининского цирка в трехчасовом представлении, а уже 10 декабря с утра вышел на работу в Союзгосцирке, вступив в должность старшего редактора отдела творческого контроля и перспективного развития циркового искусства.

Пройден немалый творческий путь, накоплен огромный профессиональный опыт, который надо передать молодым. Возникла потребность заняться серьезным изучением теоретических основ жонглирования, историей возникновения жанров, некоторыми методиками дрессуры. И первые шаги в этом направлении сделаны: уже написано несколько статей по вопросам конного жанра, и они опубликованы в журнале "Советская эстрада и цирк". Но, как считает Виктор Викторович Кошкин, этого мало, это только самое-самое начало. Значит, большая работа еще впереди. Творческие искания, теперь уже в другой сфере — теоретической, продолжаются. Продолжается цирк, этот цирк на всю жизнь.

Николай ФИЛАТОВ.